

Юлий Стенер
**ОСТАНЕТСЯ
ПРИ МНЕ**

Wallace Stegner
**CROSSING
TO SAFETY**

Уоллес Стегнер
**ОСТАНЕТСЯ
ПРИ МНЕ**
роман

Перевод с английского
ЛЕОНИДА МОТЫЛЕВА

издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)
С79

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Стегнер, Уоллес.

С79 Останется при мне : роман / УОЛЛЕС СТЕГНЕР ; пер. с англ. Л. МОТЫЛЕВА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-17-098575-3

Американский писатель Уоллес Стегнер (1909-1993) — автор множества книг, среди которых 13 романов и несколько сборников рассказов, лауреат различных премий, в том числе Пулитцеровской. “Останется при мне” (1987) — его последний роман. Это история долгой и непростой дружбы двух супружеских пар, Лангов и Морганов. Мечты юности, трудности первых лет семейной жизни, выбор между академической карьерой и творчеством, испытания, выпавшие на долю каждого из героев на протяжении жизни — обо всем этом рассказывает Стегнер, постепенно раскрывая перед читателем сложность и многогранность и семейной жизни, и дружбы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-098575-3

- © Wallace Stegner, 1987. All rights reserved
- © Л. Мотылев, перевод на русский язык, 2017
- © Library and Archives Canada, фотография на обложке
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

ЧАСТЬ I

13

ЧАСТЬ II

297

ЧАСТЬ III

403

М. П. С. —

в благодарность за более чем полвека любви и дружбы;
и друзьям, которыми мы оба были
счастливы наделены.

Пусть Время прибирает все к рукам.
Лишь то, с чем сквозь Таможни смог пробраться,
Останется при мне. Я не отдам
Того, с чем без излишних деклараций
К Надежным переправился Местам.

РОБЕРТ ФРОСТ

1

Всплывая, будто форель, сквозь сновидения, со-
вмещенные с памятью, гибко проныривая че-
рез кольца минувших всплываний, оказываюсь
на поверхности. Открываю глаза. Бодрствую.
Так, должно быть, глядят на послеопераци-
онный мир больные катарактой: с глаз снимается по-
вязка — и каждая деталь видна отчетливо, словно впер-
вые, но вместе с тем она знакома по временам хорошего
зрения; воспоминание и действительность сливаются
воедино, как в стереоскопе.

Явно еще очень раннее утро. Свет, полосками про-
никающий по краям жалюзи, мглистый, сумеречный.
Но я вижу — или вспоминаю — или вижу и вспоми-
наю: окна без занавесок, голые потолочные балки, об-
шитые досками стены, на которых нет ничего, кроме
календаря, висевшего тут, думаю, и в прошлый наш при-
езд восемь лет назад.

То, что выглядело вызывающе спартанским, теперь
кажется ветхим. С тех пор как Чарити и Сид переда-
ли участок детям, ничего тут не подновлялось и не до-

бавлялось. Могло бы сойти за пробуждение в семейном мотеле в нищем захолустье, но я ничего такого не чувствую. Я слишком много хороших дней и ночей провел в этом домике, чтобы он нагонял на меня тоску.

Чем-то даже, когда глаза привыкают к сумраку и я, подняв голову с подушки, осматриваюсь, комната вселяет чудное спокойствие, греет и в полутьме. Ассоциации, вероятно, но еще и цвет. Струганая сосна стен и потолка приобрела за годы насыщенный медовый оттенок, словно впитав в себя тепло людей, которые возвели это строение ради друзей, как убежище для них. Я истолковываю это как предзнаменование; и даже напомнив себе, почему мы здесь, не избавляюсь от ощущения родства и ласковости, которое испытал, проснувшись.

Воздух такой же знакомый, как комната. Обычный для летнего коттеджа легкий запах мышей, плюс слабый, не-неприятный намек на былые появления скунсов под домом, но помимо этого и сквозь это — какая-то бодрящая высокогорность. Иллюзия, конечно. То, что пахнет высотой, на самом деле широта. Канадская граница всего в каком-нибудь десятке миль, и ледник, который оставил тут следы повсюду, кажется, не ушел навсегда — только отступил. Что-то в воздухе, даже августовском, предвещает его возврат.

Если забыть о смертности — а здесь это всегда было легче, чем в большинстве других мест, — то можно, пожалуй, поверить, что время идет по кругу, а не линейно, не поступательно, как всеми силами стараются доказать наша культура. В геологическом плане мы не что иное, как будущие окаменелости: нас похоронят, а потом, когда-нибудь, выставят для показа грядущим существам. Что геологически, что биологически

мы не заслуживаем внимания как индивидуальности. Мы не так уж сильно друг от друга отличаемся, каждое поколение повторяет своих родителей, и то, что мы сооружаем в надежде, что оно переживет нас, не намного долговечней муравейников и куда менее долговечно, чем коралловые рифы. Здесь все возвращается на круги своя, повторяется и возобновляется, и настоящее мало отличимо от прошлого.

Салли еще спит. Я встаю с кровати и иду босиком по прохладному деревянному полу. Календарь, когда прохожу мимо, поправляет меня: он не тот, что мне припомнился. Он безошибочно утверждает, что на дворе 1972 год, август.

Дверь, когда я осторожно ее открываю, скрипит. Бодрящий воздух, серый свет, серое озеро внизу, небо, сереющее сквозь хвойные лапы тсуги — эти деревья высоко вздымаются над крышей веранды. В былые годы летом мы с Сидом не раз спиливали эти деревья-сорняки, чтобы в гостевом доме было светлее. Уничтожали только отдельные экземпляры, искоренить здесь тсугу как вид у нас и в мыслях не было. Тсуге нравится этот крутой берег. Подобно другим видам, она держится за свою территорию.

Возвращаюсь, беру со стула свою одежду — ту же, что была на мне еще в Нью-Мексико, — и одеваюсь. Салли спит и спит, утомленная долгим перелетом и пятью часами езды из Бостона. Слишком трудный для нее был день, но о том, чтобы сделать остановку, заночевать где-то по пути, она и слышать не хотела. Позвали — значит, надо быть.

Стою некоторое время, слушаю ее дыхание и думаю: решиться ли выйти, оставить ее? Спит крепко,